

ЛИОНЕЛЛА ЛИВЕНДАЛЬ

ЧАСЫ КАПИТАНА СКВОРЦОВА

что страшнее —
война
или ложь,
которая
пережила её?

Лионелла Ливендаль

Часы капитана Скворцова

«Автор»

2026

Ливендаль Л.

Часы капитана Скворцова / Л. Ливендаль — «Автор», 2026

Так начинается история, где наивность и сострадание становятся оружием, а ложь прячется под маской высокой культуры. Анне предстоит пройти путь от доверия к прозрению, от слепой веры в человечность к твёрдому знанию, что доброта без зоркости может обернуться против того, кто её дарит. Её ждут холодный бетон лагерных бараков, невыносимый жар крематорных печей, тайная война за жизни обречённых и мучительный вопрос: можно ли простить себя за то, что поверил монстру? «Часы капитана Скворцова» — это роман о том, как война ломает не только тела, но и души, и о том, что память, если она живая, способна остановить даже самую безупречную машину уничтожения. Это история о победе, которая даётся не оружием, а способностью не забывать, кто ты есть, даже когда мир вокруг превращается в пепел и чертежи.

© Ливендаль Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Лионелла Ливендаль

Часы капитана Скворцова

Пролог.

Октябрь сорок первого на Смоленщине выдался мокрым, затяжным, безнадежным. Снег лёг рано, не ко времени, точно торопился укрыть собой разоренную, израненную землю. Крупянистый, тяжёлый, он не таял на дне промёрзших стрелковых ячеек, а сразу смешивался с чёрной, жирной, вывернутой снарядами грязью в одно липкое, хлюпающее месиво, в котором тонули стоптанные сапоги и бесследно оседали стреляные латунные гильзы. В воздухе стоял густой, удушливый настой из порохового дыма, прелой хвои и ржавого железа, неизменных спутников окружения, когда вся огромная страна, казалось, сжималась до размеров одного бруствера.

Батальон капитана Александра Скворцова держал оборону у перекрестка безымянных дорог трое суток. К полудню четвертого дня выходить на связь стало окончательно некому. Казенная рация была разбита прямым попаданием, связисты лежали тут же, на дне воронки, заваленные обломками блиндажного наката, а те, кто еще мог бы ответить на позывные, давно онемели, уткнувшись в грязь лицами вниз. Сам капитан сполз на дно окопа, бессильно привалясь затылком к срезанному осколками, сочащемуся сыростью брустверу. Дышал он тяжело, с натужным хрипом и свистящим присвистом: немецкая мина прилетела в блиндаж в тот самый миг, когда он успел лишь пригнуться, инстинктивно защищая голову. Острые осколки вошли глубоко в лёгкие, и теперь кровь выходила из него толчками, с каждым прерывистым выдохом. Тёмная, густая, почти без пузырей, окрашивая серую суконную гимнастерку в страшный, бурый цвет. Она вытекала медленно, неохотно, будто сама жизнь, упрямая и командирская, не спешила покидать это крепкое, привыкшее к тяготам тело.

В левой руке Скворцов судорожно сжимал серебряные часы — наградные, со строгой чеканкой на крышке, полученные за финскую кампанию. Пружина их давно ослабла, завод кончился, и тонкие стрелки намертво замерли на половине пятого. Этот мертвый час теперь казался ему единственным спасительным маяком посреди наплывающего беспомыслия. Капитан смутно помнил, что именно в этот час он когда-то стоял у эшелона, окруженный вокзальной сутолокой и горьким табачным дымом, прижимая к жесткой шинели жену, чувствуя, как мелкой дрожью сотрясаются её плечи. А может, память обманывала его, и это было вовсе не с женой. Может, то были провода с матерью в далёком тридцать девятом. Или с дочкой — с его маленькой Анютой, которой он так упрямо читал стихи Гёте и которой так и не успел купить обещанное к выпускному ситцевое платье. Он уже не был уверен ни в чём, кроме свинцовой, неподъемной тяжести в груди и уходящего холода металла в коченеющей ладони. Наверху, у самого бруствера, внезапно захлюпала жидкая грязь. Кто-то шёл, тяжело, с натужным хриплым дыханием, переваливаясь через скользкий край окопа. Скворцов с колоссальным усилием разлепил отяжелевшие веки, но воспаленный взор его видел лишь мутное, расплывающееся серое пятно, которое никак не желало обретать человеческих очертаний.

На краю окопа стоял немецкий офицер. Молодой, лет двадцати семи или восьми, худой до угловатости, в сером полевом плаще, из-под которого выглядывал воротник кителя с нашивкой. Из-под фуражки выбивались светлые, почти белые пряди, а левый глаз скрывала марлевая повязка. Влажная, с желтоватым пятном посередине. Повязка сидела плотно, но не закрывала полностью: под ней угадывался шрам: не на скуле, не на переносице, а именно на веке, там, где пуля или осколок сделали своё дело. Второй глаз серый, спокойный, без блеска смотрел на Скворцова с тем холодным любопытством, с каким рассматривают падаль.

Немец не торопился. Он смотрел на умирающего Скворцова без злобы, скорее с ровным, академическим любопытством. Из-за пазухи он достал блокнот в твёрдом переплёте и огрызок карандаша. Офицер присел на корточки, примерился уцелевшим глазом и сделал несколько быстрых штрихов на чистом листе. Взгляд его перебегал с лица капитана на бумагу и обратно, будто он срисовывал не человека, а редкий экземпляр насекомого, приколотого к доске. Скворцов порывался повернуть голову, рванулся всем своим слабеющим командирским телом, но шея не повиновалась ему, скованная наплывающей смертной стужей. Только хрипнул в глубине надсаженных легких, и на запекшихся губах выступила новая, густая тёмная капля.

Сухой графит с коротким, шуршащим звуком скользил по шероховатой бумаге, фиксируя линии заострившегося носа, изломанные брови и смертную бледность советского офицера. В этом монотонном шорохе грифеля посреди развороченного смоленского окопа чудилась какая-то извращенная, стерильная отрешенность от живой человеческой боли.

— Хороший рисунок, — негромко сказал немец по-русски.

Голос у него был мягкий, хриплый, с едва уловимым акцентом, но слова он выговаривал чисто, будто учил язык не по приказу, а по охоте, просиживая долгие часы за старинными книгами в тишине европейских библиотек. Он не кричал, не злорадствовал; его интонация была ровной, почтительной интонацией исследователя, встретившего в глухом лесу редкую породу камня.

— Столько упрямства. Как ваша фамилия, капитан? Вы не скажете, так я и сам сыщу в ваших бумагах, но мне хотелось бы услышать из ваших уст.

Он знал: капитан уже не ответит. Свинцовая тяжесть в груди Александра Скворцова окончательно пресекла дыхание, и язык его онемел. Но немцу и не требовался ответ. Ему надобно было произнести это вслух, дабы запечатлеть мгновение, утвердить его, как ставят печать на сургуче. Для офицера этот окопный разговор с умирающим врагом был актом сакрального превосходства разума над хаосом войны. Он заносил в блокнот черты уходящей советской эпохи с той же педантичностью, с какой его предки-прусаки обмеряли готическую кладку старых соборов.

Скворцов повёл правой рукой, пытаясь дотянуться до нагана, но пальцы соскользнули с рукояти. Серебряные часы вывалились из ладони и упали в грязь. Наган лежал там же, у правой руки, наполовину утонув в чёрном месиве. Немец перешагнул через него, даже не глядя, и приставил «Вальтер» к виску капитана. Подошва сапога на секунду вдавила оружие глубже в жижу. Он даже не посмотрел вниз, будто не заметил, что наступил на последнюю надежду Скворцова. Будто наступил не на наган, а на пустое место, где ничего не могло быть.

Это пренебрежение к боевому оружию, к верному командирскому револьверу, коим капитан три дня защищал смоленский рубеж, ранило Скворцова сильнее, чем свистящие осколки в легких. Враг не просто отнимал жизнь, он лишал солдата его последнего воинского права на сопротивление. Под кованым немецким каблуком советская сталь безропотно уходила в безвестную трясиину, точно земля Смоленщины принимала ее обратно в свое лоно, устав от бесконечного стального грохота. Холодный металл «Вальтера», прижатый к виску, казался продолжением той январской стужи, что уже напознала на окоп, Скворцов больше не чувствовал страха. В его угасающем взоре застыло лишь глухое упрямство его породы, упрямство человека, который не сдался, даже когда время остановилось.

Немец аккуратно закрыл блокнот, убрал его во внутренний карман. Наклонился, поднял часы, небрежно отер их о полу плаща, и лишь тогда задержал взгляд на серебряной крышке. Старые, с глубокой гравировкой: «За бои на Карельском перешейке. Капитану Скворцову». Он прочитал надпись дважды, беззвучно шевеля губами, и запомнил. Он всегда запоминал имена. Не из почтения, а из холодного расчёта, чтобы при встрече глядеть в глаза тем, кто явится за своими мёртвыми, и знать, кого они ищут. Часы скользнули в карман брюк. Для него эта надпись на крышке не свидетельство доблести советского капитана на финских болотах,

а лишь инвентарным номером на осколке той старой реальности, которую Рейх планомерно стирал с географических карт.

— Отдыхайте, капитан, — тихо произнёс пепельноволосый, и тонкие губы его тронула учтивая полуулыбка, не затронувшая, впрочем, одинокого глаза. — Ваша карта нам сослужит службу, а лицо ваше мужественное останется при мне.

Выстрел щёлкнул коротко и зло, разорвав сырой прифронтовой воздух сухим, хлёстким звуком, от которого в ушах ещё долго стоял тонкий, нитяной звон. Тишина вернулась мгновенно, тяжелая, плотная, неестественная. Она навалилась на разбитый окоп быстрее, чем пороховой дым успел рассеяться над бруствером, и быстрее, чем сам звук выстрела осел в кронах побитых осколками деревьев. Земля Смоленщины словно сама поглотила этот чуждый, смертоносный хлопок, торопливо замирая перед лицом свершившегося злодеяния.

Птицы на обгорелой, расщепленной снарядом берёзе застыли каменными изваяниями, сжавшись в комочки под налетающими порывами холодного ветра. В их мелком, пернатом оцепенении угадывался тот первобытный ужас всего живого, что безмолвно содрогается перед бессмысленной и расчетливой человеческой жестокостью. Немец медленно, без единого лишнего движения опустил дымящийся ствол «Вальтера». Он поднял на них свой единственный серый глаз, холодный и прозрачный, точно дождевая вода в колее, и они разом, шумно взмыли в свинцовое небо. Птицы сорвались с черных ветвей так дружно и внезапно, словно он провёл по обгорелому дереву незримой, властной рукой, повелевая самой природе подчиниться закону силы.

В этой окончательной, пустой тишине немецкий офицер повернулся спиной к затихшему окопу, унося в кармане серого плаща серебряные часы и секретные карты. На дне залитой грязью стрелковой ячейки капитан Александр Скворцов остался лежать лицом к небу, упрямо и безмолвно приняв свой последний бой. Время его земной жизни остановилось, но стрелки, замершие на половине пятого, уже начали свой тайный, грозный отсчёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.